

5. Ван Дейк, Т.А. Язык. Познание. Коммуникация / Т.А. ван Дейк. – М., 1989. – 312 с.
6. Караулов, Ю.Н. От грамматики текста к когнитивной теории дискурса / Ю.Н. Караулов, В.В. Петров // Ван Дейк Т.А. Язык. Познание. Коммуникация. – М., 1989. – С. 5-11.
7. Кубрякова, Е.С. Об установках когнитивной науки и актуальных проблемах когнитивной лингвистики / Е.С. Кубрякова // Вопросы когнитивной лингвистики, 2004. – №1. – С. 6-17.
8. Макаров, М.Л. Основы теории дискурса / М.Л. Макаров. – М.: ИТДГК “Гнозис”, 2003. – 280 с.
9. Мокиенко, В.М. Образы русской речи: Историко-этимологические очерки фразеологии / В.М. Мокиенко. – СПб.: Фолио-Пресс, 1999. – 461 с.
10. Николаева, Т.М. Речевые, коммуникативные и ментальные стереотипы: социолингвистическая дистрибуция / Т.М. Николаева // Язык как средство трансляции культуры. – М., 2000. – С. 112-132.
11. Федоров, А.И. Русская фразеология и ее изучение по источникам: дис. ... д-ра филолог. наук / Федоров Александр Иванович. – Л., 1973. – 32 с.
12. Harris, Z.S. Discourse analysis / Z.S. Harris // Language. – 1952. – Vol. 28. – P. 1-30; 474-494.

М.Н. Везерова

**АВТОРСКАЯ КАРТИНА МИРА
СКВОЗЬ ПРИЗМУ ВЕРБАЛИЗАЦИИ КОНЦЕПТА
(о концепте “война” в стихотворениях А.Ахматовой)**

Самарский государственный педагогический университет

Полипарадигмальность современной лингвистики художественного текста, ее ярко выраженная антропологичность дают возможность исследователю более органично “наводить мосты” между вербальными и невербальными компонентами текста, проникать через лингвистический анализ более глубоко во внутренний мир субъекта речи (поэта, писателя), и реципиента (читателя).

Особую актуальность в последние десятилетия приобрели психолингвистические и концептологические исследования художественного текста (взаимопроникающие, взаимодействующие).

“Поэтический текст является причиной, процессом, реализацией и результатом языковой деятельности и языковой способности <...> автора как субъекта социума, эстетики и языка”, – подчеркивается в одной из последних лингвопоэтических работ [1, 39]. Автор работы, определяя предмет изучения антропологической лингвистики, не случайно называет категорию картины мира [1, 105] – явление ментального, пси-

хологического и семантического характера. Тесно связанной с картиной мира является категория “языковая личность”, которая впервые определяется Ю.Н. Карауловым как “личность, выраженная в языке (текстах) и через язык, <...> личность, реконструированная в основных своих чертах на базе языковых средств” [2, 38]. Вполне логичным и целесообразным является введение в практику исследования художественных текстов понятия “текстовая личность”, которая может рассматриваться как один из вариантов языковой личности [1, 105]. См. ее дефиницию: “текстовая личность – это личность текстотворца, выраженная в языковом, культурном, эстетическом и духовном пространствах (поэтического) текста и реконструированная на базе языковых, культурных, эстетических и духовных средств текста” [1, 105].

Категория “текстовая личность” воспринимается естественно на фоне расширения в современной лингвистике сосюоровской дихотомии “язык – речь” за счет третьего компонента: язык – речь – текст. Здесь уместно сослаться на утверждение Л.Н. Мурзина о том, что язык – действующая семиотическая система, создающая тексты, и в языке может быть выделен уровень текста [3, 131-133].

Антропологический анализ поэтического текста связан с выявлением индивидуально-авторской картины мира (авторская модель мира, субъективный образ объективной действительности – общепринятая точка зрения), отраженной в тексте, “рисующей” текстотворцом.

Ориентация на три уровня языковой личности (а следовательно, и текстовой): вербально-семантический, когнитивный и мотивационный (Ю.Н. Караулов) – при анализе, декодировании художественного текста способствует выявлению того, как составляющие этих уровней синтезируются, гармонизируются в поэтическом тексте – функционально-эстетической системе.

Обращаясь к особенностям речевого воплощения концепта “война” (элемент когнитивного уровня) в стихотворениях А.Ахматовой, будем стремиться выходить на мотивационный (высший) уровень текстовой личности, на параметры отраженной в тексте духовности. Как пишет Ю.Н. Караулов, “духовность опредмечивается [и] в речевых поступках человека, языковом его поведении, т.е. в широком смысле – в текстах, им порождаемых” [2, 70].

Пронаблюдаем, как та часть картины мира А.Ахматовой, которая связана с концептом “война”, предстает перед читателем в ее военной и послевоенной лирике, выделяя в вербализации этого концепта то, что отражает существенные черты текстовой личности.

Общее восприятие войны А.Ахматовой соответствует тому, которое отражено в известном высказывании Л.Толстого: “<...> началась

война, то есть совершилось противное человеческому разуму и всей человеческой природе событие”.

Такое психологическое восприятие, “неприятие” войны находит отражение, в первую очередь, в особенностях вербализации смыслового компонента “смерть” в концепте “война”:

*Заплакал и шапку снял моряк,
Что плавал в набитых смертью морях
Вдоль смерти и смерти навстречу.
(“Вспыхнул над морем первый маяк...”)*

*Но безжалостна эта твердь.
И глядит из всех окон — смерть.
(“Птицы смерти в зените стоят...”)*

Сила воздействия слова, когда оно воспринимается не просто как смыслоноситель, но и как энергоноситель, достигается здесь приемами то овеществления, то олицетворения лексемы “смерть”, то использованием ее в синтагматической связи с интенсивом (“набитых смертью”).

Особенный трагизм войн в том, что гибнут, страдают дети, которым посвящено немало строк в военной и послевоенной лирике Ахматовой, — строк, проникнутых глубочайшим состраданием — женским, материнским. Особая функция в этом плане у форм уменьшительно-ласкательных:

*Питерские сироты,
Детоньки мои!*

*Сквозь бомбежку слышится
Детский голосок.*

*И с головки твоей золотистой
Я кровавые смою следы.*

Война несет гибель, а значит, горе, невыносимые страдания.

Впечатляюще способы вербализации эмотивного слоя рассматриваемого концепта у Ахматовой, что отражает одну из сторон авторской языковой личности. Тексты насыщены как прямыми наименованиями эмоций, эмоционального состояния, так и переносными:

*Нет, я не выплакала их.
Они внутри скипелись сами.
И все проходит перед глазами
Давно без них, всегда без них*
*Без них меня томит и душит
Обиды и разлуки боль.*

Проникла в кровь – трезвит и сущит
Их всесжигающая соль.

(“Вторая годовщина”)

Смысловой компонент “горе, страдание” неоднократно репрезентируется у Ахматовой лексемами звучания (*стонать, вопль, грохотать...*), горения (*испепелить, всесжигающий, пекло...*):

[Ленинград слышит]
Как на влажном балтийском дне
Сыновья его стонут во сне,
Как из недр его вопли: “Хлеба! –
До седьмого доходят неба....

(“Птицы смерти в зените стоят...”)

Выразителен, мысльёмок сложный троп (метафора-метонимия): “войной испепеленные года” (“Прошло пять лет...”).

Семантический признак интенсивности избираемых автором слов – один из “проявителей” психологической напряженности, модальности текста, мотивности текстотворца. Этот признак во многих случаях усиливается фигурой антитезы:

[Ребенок, осиротевший во время войны]
...Над своей увидел колыбелью
Безумьем искаженные глаза,
Что прежде на него всегда глядели,
Как две звезды...

(“Говорят дети”)

При восприятии авторской картины мира останавливают внимание синтагмы “русская речь”, “русское слово”, “встраивающиеся” в ассоциативное поле концепта “война”. Так, стихотворение “Мужество” заканчивается строфой:

И мы сохраним тебя, русская речь,
Великое русское слово,
Свободным и чистым тебя пронесем,
И внукам дадим, и от плена спасем
Навеки!

В общенародном сознании концепт “война” немислим без смыслового кванта “народ”, а в сознании текстотворца, поэта, писателя (ср. известное высказывание И.С. Тургенева), неразрывность народа и его языка/ речи – одна из доминирующих точек.

В репрезентации концепта “война” в лирике Ахматовой, как и вообще в русской речи, в дискурсе русскоязычных, существенна роль слов “родина”, “отчизна”, “страна”, “земля”, “дом” (= родина), при которых активно функционируют местоимения “мой”, “наш”, “мы”,

подчеркивающие усиливающеся во время войны чувство единения со своим народом, страной.

*Как в первый раз я на нее,
На Родину глядела.
Я знала: это все мое —
Душа моя и тело.
(Цикл “С самолета”, май 1944)
Больше вражьего шага не слышит,
Отдыхает моя земля.*

(“Освобожденная”, февраль 1945)

Смысловым компонентом “родина” пронизаны в военной лирике Ахматовой разные синтагмы, лексические единицы: “сохраним тебя, русская речь” = сохраним родину; “Вот и о вас напишут книжки: “Жизнь свою за други своя”, Незатейливые парнишки, — Ваньки, Васьки, Алешки, Гришки... (“Победителям”), — имена, их формы здесь тоже Родина...

Не имеет прямого отношения к военной лирике стихотворение “Родная земля”, которое высоко ценил А.Т. Твардовский (“Как прекрасно и как целомудренно такое отношение к родной земле, которая и обычная земля, по ней мы ходим, — и больше, чем земля, почва”), однако концепт “родная земля” воспринимается здесь как тесно связанный с концептом “война” и даже как один из его смысловых компонентов. Автор так описывает родную землю, что угадывается подтекст: за нее люди готовы сложить голову на войне.

*Хворая, бедствуя, немотствуя на ней,
О ней не вспоминаем даже.
.....
И мы мелем, и месим, и крошим
Тот ни в чем не замешанный прах.
Но ложимся в нее и становимся ею,
Оттого и зовем так свободно — своею.*

Здесь значительна роль интенсифицирующих признаки объединений глагольных форм — окказиональных синонимов.

Через репрезентацию рассматриваемого концепта в лирике Ахматовой передается обострение во время войны не только чувства патриотизма, но и чувства интернационализма. Лирический герой стихотворений цикла “В сороковом году” испытывает боль за те страдания, которые несет война разным народам планеты.

*И клонятся головы ниже,
Как маятник, ходит луна.
Так вот — над погибшим Парижем
Такая теперь тишина.*

В стихотворении “Лондонцам”, написанном по поводу обстрела Лондона в начале второй мировой войны, Ахматова использует необычную “искусствоведческую” метафору – “двадцать четвертая драма Шекспира” (у этого великого автора 23 канонических драмы). Обращаясь к сопоставлению того, что происходит, с трагическим содержанием драм Шекспира, она так заканчивает стихотворение:

*Лучше заглядывать в окна к Макбету,
Вместе с наемным убийцей дрожать,
Только не эту, не эту,
Эту уже мы не в силах читать.*

Известно, что Ахматова была одним из крупных специалистов в области шекспироведения. В этом стихотворении ярко проявляется индивидуальный характер ее картины мира, текстовой личности.

“Обнажение” проникшего в глубину души чувства интернационализма проявляется и в стихах о детях, в судьбы которых безжалостно вторглась война, осиротив их. В стихотворении “Говорят дети” изображается слияние “горьких звуков” – голосов детей-сирот во всеобщий голос, “пронзительный, как флейта”:

*...Он несется
Из-под каштанов душного Парижа,
Из опустевших рейнских городов,
Из Рима древнего.*

Последние строки в этом тексте:

*Вот он, светловолосый, ясноглазый.
Всеобщий сын, всеобщий внук.
Клянемся,
его мы сохраним для счастья мира!*

Так в авторской картине мира чувство гражданского характера приобретает краски глубоко интимного, материнского, пробуждая в чутком читателе соответствующий отклик. Все три уровня языковой личности выступают в неразрывной связи.

Приоткрывая завесу даже над одной из сторон языковой личности А.Ахматовой, еще раз поражаешься искажению ее в пресловутом постановлении партии о журналах “Звезда” и “Ленинград” (“внутренняя эмигрантка”, “блудница” и под.) и еще раз испытываешь гнев в связи с чудовищной несправедливостью к выдающемуся, талантливейшему поэту.

Несомненно, что для постижения существенных черт идиостилия поэта, писателя важно при его исследовании уделять одинаковое внимание категориям и языковой картине мира (авторской модели мира), и текстовой личности, и, конечно, своеобразию вербализации концептов, составляющих концептосферу художественных произведений.

Библиографический список

1. Казарин Ю.В. Филологический анализ поэтического текста: Учебник для вузов. М.-Екатеринбург, 2004.
2. Караулов Ю.Н. Русский язык и языковая личность. Изд. 3-е, стереотипное. М., 2003.
3. Мурзин Л.Н. О степенях свободы языка // Русское слово в языке, тексте и культурной среде. Екатеринбург, 1997.

Е.А. Денисова

ОППОЗИЦИЯ ПОНЯТИЙ “ГОРДОСТЬ – СМИРЕНИЕ” В ПРАВОСЛАВНОЙ КАРТИНЕ МИРА

Казанский государственный университет

Изучение языковой картины мира стало ещё одной попыткой описания так называемого “национального характера”, под которым подразумевается устойчивый комплекс специфических для данной культуры ценностей, установок, поведенческих норм. Это путь познания сущего через слово.

В сложной глобальной языковой картине мира можно выделить множество более частных картин, каждая из которых отличается языковым своеобразием [3, 40].

Как пишет Н.Л.Тухарели, “любая картина мира является проекцией целостного восприятия внешнего мира определенным типом человеческого сознания – индивидуальным, коллективным, обыденным, коллективным научным” [5, 15]. А поскольку общеязыковая картина мира складывается из многих отдельных составляющих, таких как научная картина мира, обыденно-бытовая картина мира и т. д., то считаем, что нельзя обходить и такой малоизученный аспект в лингвистике, как религиозная картина мира. Тем более, что исторически нельзя рассматривать духовное становление России, её культуры вне рамок православия, которое оказывало всегда весьма сильное влияние на общественные устроения, способствовало созданию определенных стереотипов мышления.

Говоря о православной картине мира, мы говорим не только о собственно церковной (обряды, церковная литература и т. д.), но и околоцерковной жизни, так как при постановке одних и тех же задач они сливаются воедино. “Религиозная картина мира представляет собой и отражение церковной и околоцерковной православной жизни, и её модель” [4].